В. С. Савельев

КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

Летописи насыщены репликами героев, шумом толпы, дыханием времени; мы постоянно слышим голоса прошлого, можем различать даже интонацию речи и то настроение, с каким произносятся слова. Важны и сами слова, каждое в отдельности и все вместе, всегда столь значительные в общем потоке событий, действий, речей. Они тоже многое могут поведать о смысле далеких событий.

(*Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 9)

Действительно, летописи являются бесценным источником сведений о мире Древней Руси. Окружающий мир отражается в языке, и когда этот мир исчезает, нам остается язык, реализованный в письменной речи уже ушедших – в созданных ими текстах. Существенную часть знаний об этом исчезнувшем мире исследователь может и должен почерпнуть из речи персонажей. Но решить эту общегуманитарную задачу можно только научившись читать, а это представляется невозможным без обращения к методам исследования современной лингвистики. К сожалению, значительные успехи, которых достигла русистика в области семантики и коммуникативистики, не находят отражения в работах, посвященных изучению истории языка[1].

Что представляет собой речевая коммуникация с точки зрения современной лингвистики? До какой степени методы исследования, применяемые современистами, уместны при изучении древних текстов? На эти вопросы мы попытаемся – хотя бы частично – дать ответ в нашей статье, которая посвящена изучению прямой речи в «Повести временных лет» (ПВЛ) – «знаменитой летописи начала XII века, самом содержатель-

ном произведении о древнейшей истории Руси» [Демин 1998: 585], «являющимся архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы» [Бестужев-Рюмин 1868: 59]. В многочисленных исследованиях, посвященных ПВЛ (как исторических, так и филологических)[2], неоднократно отмечалось, что источниками ее составления послужили тексты разной жанровой принадлежности. Одной из особенностей жанрового своеобразия летописи является включение в нее значительного количества высказываний, которые воспроизводят устную речь персонажей текста – исторических личностей, историю эту создающих.

Прямая речь является той частью письменного текста, которая передает устную речь персонажей. Существенно, что эта устная речь говорящих – вымышленных или действительно существовавших – достигает читателя не непосредственно, а через автора письменного текста. Неважно, придумал ли он реплики своих героев сам или действительно передает чужую речь: и в том и в другом случае автор должен учитывать, что создаваемый им текст является письменным, а потому должен следовать правилам создания письменного текста. В частности, он должен не только воспроизвести «произнесенные» реплики, но и рассказать об этих репликах: о том, кто их произнес, как произнес, почему произнес, зачем произнес, кому адресовал. Выполняя эту задачу, автор проявляет свою языковую личность, а значит, и свойственную ей индивидуальность. Итак, введение в письменный текст прямой речи неизбежно связано с вербальной реализацией представления автора о структуре коммуникативного события. Следовательно, изучив особенности введения в текст прямой речи, мы узнаем о том, какие представления о структуре коммуникативного события имел древнерусский книжник.

* * *

Исследованию проблем коммуникации в последние десятилетия было посвящено более чем значительное количество работ. В них обнаруживаются различные точки зрения на предмет, подчас противоречащие друг другу, но не становящиеся от этого менее обоснованными и достойными интереса. Ниже мы попытаемся дать самое общее представление о том, что такое коммуникативное событие и каковы его составляющие, проиллюстрировав положения современной семантики и коммуникативистики примерами из ПВЛ.

Человеческая коммуникация является одним из видов социальной деятельности, специфической особенностью которой является обязательная передача информации от субъекта к объекту. Задачи и способы передачи информации при этом могут быть различными. Основным из них является использование одной из знаковых систем – естественного языка – в целях воздействия на адресата. При этом необходимо заметить, что коммуникация не исчерпывается собственно произнесением (или написанием) высказывания: есть что-то предшествующее общению и следующее за ним. Понимание этого приводит к необходимости выделения понятия **коммуникативного события** – «ограниченного в пространстве и времени, мотивированного, целостного, социально обусловленного процесса речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова 2005: 13].

Коммуникативное событие представляет собой единицу описания, объединяющую ряд разнородных, но взаимосвязанных явлений, которые, в свою очередь, устроены не элементарно. В качестве составляющих в описание входят **коммуникативная ситуация**, **коммуникативное поведение** и **социальные нормы**. Коммуникативная ситуация представляет собой некую «модель условий коммуникативной деятельности участника данного коммуникативного события». Опознав тип коммуникативной ситуации, Коммуникант[3] «строит свое коммуникативное поведение в соответствии с нормами и правилами поведения в данном типе коммуникативных событий. Умение адекватно ситуации ориентироваться и эффективно строить коммуникативное (речевое и неречевое) поведение является одним из компонентов коммуникативной компетенции личности» [Там же: 37].

Итак, коммуникативное событие есть своеобразный «комплекс комплексов», разные составляющие которого важны в равной степени:

I. Как правило, первичной причиной коммуникации служит **экстралингвистическая ситуация** – некое положение дел в окружающем мире (во внеязыковой действительности), побуждающее Коммуниканта-1 вступить в контакт с Коммуникантом-2. Неисчислимость ситуаций, провоцирующих общение, является кажущейся – систематизация их вполне возможна: виды человеческой деятельности, связанной с его отношением к внешнему миру (а иногда – в случае самоадресации – и внутреннему), ограничены определенными сферами. Так, в ПВА ситу-

ациями, провоцирующими общение, служат войны, борьба за (пре)столонаследие, поиски веры и немногие другие. Разумеется, эти ситуации были не единственными в жизни героев ПВЛ, заставлявшими их говорить, однако для летописи релевантными оказались именно эти ситуации, поскольку они заставляли персонажей выполнять определенные **социальные функции** – князя, дружинника, священнослужителя, – функции, интересующие автора и читателя ПВЛ, а не какие-нибудь другие.

II. Собственно общению предшествует **подготовительный этап**, во время которого у Коммуниканта-1 возникает намерение вступить в коммуникацию, при этом перед ним встает сложная задача: он должен активизировать свои способности таким образом, чтобы коммуникация оказалась успешной[4]. Именно на этом этапе у Коммуниканта-1 возникает **замысел** речевого произведения, при этом неважно, что это будет за произведение: реплика в бытовом диалоге или роман[5]. Замысел (речевое намерение) объединяет в себе ряд факторов, которые неизбежно влияют на характер коммуникации:

1. Коммуникант-1 должен определить **цель** общения: хочет ли он получить информацию, или побудить собеседника к действию, или поделиться с ним своим знанием, мнением или эмоцией. Данная цель, достигаемая посредством слов, является ближайшей, но не единственной: производя изменения в ментальном мире Коммуниканта-2, Коммуникант-1 зачастую стремится изменить положение дел в реальном мире, причем таким образом, что эти изменения коснутся и его – инициатора общения. Так, Владимир, требуя от разных собеседников информации о том, какова их вера, стремится к действию, которое хочет совершить сам, – выбрать одну из этих вер;

2. Определив цель общения, Коммуникант-1 должен выбрать тот оптимальный способ общения, который позволит ему достичь цели коммуникации. Для этого он должен выбрать, **что** ему говорить и **как** ему говорить:

а) Крайне важно, чтобы Коммуникант-1 адекватно оценил **конситуацию** (коммуникативную ситуацию) – «объективно существующую собственно экстралингвистическую ситуацию общения; условия (в самом широком смысле) общения и его участников (т. е. кто, что, где, когда)» [Красных 2003: 84]. В разных условиях об одном и том же следует говорить по-разному;

б) Коммуникант-1 выбирает то, какую информацию он адресует Коммуниканту-2. При этом объективное содержание его высказывания должно соответствовать ситуации общения:

– информация не должна быть избыточной и не должна быть недостаточной (**постулат информативности**),

– информация должна быть уместной, т. е. иметь отношение к данной ситуации общения (**постулат релевантности**)[6];

в) Коммуникант-1 должен определить свое отношение к **адресату**. «Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [Бахтин 1997: 200]. Адресат может быть персонифицирован (конкретный человек или группа людей) или не персонифицирован (так, договоры Руси с греками, включенные в ПВЛ, адресованы тем, кто окажется в ситуациях, описанных в договорах, – речь, таким образом, в данном случае идет не о человеке, но о той социальной функции, которую он будет воплощать в определенной ситуации). Фактор адресата крайне важен: одно и то же слово, обращенное к разным адресатам, может привести к совершенно разным последствиям. Более того, даже обращаясь к одному и тому же адресату, Коммуникант-1 должен принимать во внимание то, кем для него является Коммуникант-2 в этой конкретной ситуации, какую социальную функцию он воплощает. Так, для Владимира в одном случае греки являются врагами, в другом – союзниками, в третьем – братьями по вере, и в каждом из случаев, обращаясь к ним с какой-либо просьбой, он должен говорить по-разному: угрожать, приказывать, просить, упрашивать;

г) Отношение к адресату подразумевает помимо прочего оценку его способностей понять то, о чем ему будет сказано. Говорящие на одном языке для того, чтобы понимать друг друга, должны обязательно обладать общими знаниями о мире. И если они обладают этими общими знаниями, то не во всех случаях их необходимо эксплицировать. Так, древляне, ввергнутые Ольгой в яму, отвечают на ее вопрос о том, нравится ли им «честь»: «*Пуще ны Игоревы смерти*»[7] (6453). И они не должны были пояснять, кто такой Игорь и какова была его смерть, потому что Ольга – вдова Игоря – обладала теми же знаниями, что и они. Но вряд ли эту реплику смог бы понять читатель летописи, не знакомый с предысторией отношений Игоря, Ольги и древлян, – ему не хватило бы **фоновых знаний**. Общие для участников коммуникативного события фоновые знания, не требующие экспликации, образуют **когнитивную базу**[8] – «структурированную совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и мини-

мизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 61]. Конкретной реализацией когнитивной базы является **прагматическая пресуппозиция**[9]: «говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую пресуппозицию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся — в частности, известным слушателю» [Падучева 1996: 235]. Так, в речи древлян содержится пресуппозиция *Смерть Игоря была ужасна*, и это пресуппозиция «правильная»: Ольга понимает невысказанную мысль собеседников.

Итак, если Коммуникант-1 не «угадает», какова когнитивная база собеседника (т. е. не «угадает», что именно тот знает), то он потерпит коммуникативную неудачу: будет или не понят, или осужден за излишнее многословие — рассказывание того, что и так известно;

д) К когнитивной базе помимо прочего относят те общие для говорящих представления, которые образуют **систему ценностей**, принятых в данном «национально-лингво-культурном сообществе». Система ценностей соотносится с понятием **нормы**, причем «для организации речевого поведения релевантна деонтическая норма (должное — разрешенное — запрещенное)»[10] [Борисова 2005: 89]: говорящие должны следовать «принципу Поллианны», требующему устранения из разговора неприятных сюжетов» [Арутюнова 1999: 84]. И если Коммуникант-1 все-таки нарушает этот принцип, то делает он это с определенным умыслом: так, воевода Ярослава Буды, обещая князю Болеславу пропороть колом его *чрево тольстое*, намеренно оскорбляет противника и провоцирует его на начало военных действий.

Таким образом, Коммуникант-1 должен определить не только то, о чем он должен сказать, но и то, о чем ему говорить не следует;

е) Коммуникант-1, предвидя грядущую дешифровку произносимого (написанного) со стороны Коммуниканта-2, должен стремиться не только к тому, чтобы быть понятым, но и к тому, чтобы быть действенным: в конечном итоге, его речевая деятельность направлена к достижению определенной цели. Коммуникативные цели говорящего изучаются в рамках **теории речевых актов**.

Согласно теории речевых актов, каждое произнесенное **высказывание**[11] отражает коммуникативное намерение говорящего — то, ради чего он это высказывание произносит: это

могут быть просьба, совет, предложение, угроза, согласие и другие **иллокутивные функции**. При этом одно и то же высказывание, произнесенное в разных ситуациях, может выражать разные интенции говорящего: так, «предложение *Иди домой!* может выполнять иллокутивную функцию просьбы, приказа, мольбы, совета, предложения, разрешения и т. д.» [Падучева 2001: 31].

Основу теории речевых актов составляет классификация глаголов – показателей иллокутивных функций: эти глаголы произносятся в процессе речевого акта говорящим и указывают его коммуникативное намерение. Так, Дж. Л. Остин выделяет следующие классы глаголов: *вердиктивы* («дается решение относительно некоего факта или ценности»: *решаю, осуждаю, считаю, оцениваю* и т. д.), *экзерситивы* (эти глаголы «являются воплощением власти, права или влияния»: *назначаю, приказываю, выбираю, предостерегаю, умоляю* и т. д.), *комиссивы* («определяются обещаниями или другими обязательствами»: *обещаю, клянусь, предлагаю, соглашаюсь, поддерживаю* и т. д.), *бехабитивы* (указывают социальное поведение: *соболезную, проклинаю, хвалю, поздравляю* и т. д.), *экспозитивы* (называют речевые действия, место, занимаемое ими в коммуникативном акте: *подтверждаю, отрицаю, замечаю, информирую* и т. д.) [Остин 1999: 125, 126]. В ПВЛ используется целый ряд глаголов, называющих иллокутивные функции высказываний персонажей: *вопросити* (*...и узрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркуще: «Чий се городъ?»* (6370)), *укорити* (*Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рекя: «То ть не право молвять вольсві, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ»* (6420)), *просити* (*В се же время придоша людие Новъгородьстии, просяще князя себѣ: «Аще не пойдете к намъ, то налѣземъ князя себѣ»* (6478)) – и многие другие.

Важное место в теории речевых актов занимает исследование особого класса глаголов – **перформативов**, – «эксплицирующих иллокутивную функцию высказывания» [Кобозева 2000: 260]. Произнесение таких глаголов само по себе равно совершению действия, а не просто сообщению о нем: так, когда Феодосий, обращаясь к Стефану, говорит: «*Се предаю ти монастырь*» (6582), – это означает, что в этот момент монастырь переходит в духовное ведение Стефана – момент произнесения слова «предаю» и есть акт передачи.

Итак, произнося высказывание, Коммуникант-1 преследует определенную коммуникативную цель. На эту цель могут указывать глаголы, употребляемые им в высказывании;

ж) Объектом исследования теории речевых актов служит высказывание, равное, по сути, одному предложению. Между тем реплика Коммуниканта-1 не обязательно ограничивается одним высказыванием[12]. Произнося ряды предложений, каждое из которых выражает определенную иллокутивную функцию, говорящий может преследовать некую **глобальную иллокутивную цель**, не обязательно совпадающую с представленными в отдельных предложениях. Так, Святополк, отвечая на упрек Владимира, Давыда и Олега, говорит: «*Повѣдалъ ми Давыдъ Игоревичь, яко Василко брата ти убилъ Ярополка, и тебе хощеть убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берести, и Погорину, и шелъ ротѣ с Володимеромъ, яко сѣсти Володимеру в Киевѣ, а Василкови Володимери. А неволя ми главы своея блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, і велъ и к собѣ*» (6605). Три предложения, произносимые им, имеют разные функции: сообщение (*Мне Давыд поведал, что мне угрожает опасность*), суждение (*Мне (как князю) следует беречь свою голову*) и снова сообщение (*Это не я слепил, а Давыд*). Оценивая же реплику в целом, можно сказать, что Святополк оправдывается – это его глобальная иллокутивная цель: Святополк сообщает факты, доказывающие его невиновность, и суждение о том, что должен делать князь, и оказывается, что именно так Святополк и поступал. Характерно, что его собеседники воспринимают его реплику как произнесенную ради оправдания и отвечают: «***Извѣта о семь не имѣи, яко Давыдъ есть слѣпилъ***».

Чаще всего достижение глобальной иллокутивной цели для Коммуниканта-1 связано с действиями Коммуниканта-2, которые должны (или не должны) последовать за речевым актом. Если в конечном итоге Коммуникант-2 совершит действия, «выгодные» для Коммуниканта-1, можно считать, что последний достиг желаемого **перлокутивного эффекта** – «изменений, которые речевой акт вызывает в ситуации общения, и в первую очередь в мыслях, чувствах и поведении адресата» [Кобозева 2000: 260]. Характерно, что высказывание с одной и той же иллокутивной функцией может вызывать различные перлокутивные эффекты: «употребив предложение *Попробуй только!* с иллокутивной функцией угрозы мы можем испугать адресата, насмешить его, заставить его ретироваться или, напротив, спровоцировать его на немедленное осуществление его замысла» [Там же: 260]. Разумеется, Коммуниканту-1 следует добиваться только того перлокутивного эффекта, который ему выгоден.

Таким образом, задачей Коммуниканта-1 является поиск такого сочетания отдельных высказываний, а точнее, такой смены иллокутивных функций в ходе речевого акта, такой **речевой стратегии**, которая позволит ему добиться глобальной иллокутивной цели, достичь необходимого перлокутивного эффекта. В ПВЛ мы встречаем множество диалогов, в которых персонажи проявляли свои речевые способности, достигали практических целей **словом**. Можно сказать, что умение говорить осознавалось древним историком как необходимое качество социально значимого лица. Вот, например, история о том, как князь Глеб разоблачил одного волхва, смутившего умы многих новгородцев:

В лѣто 6579 ...И раздѣлишася на двое: князь бо Глѣбъ и дружина его сташа у епископа, а людье вси идоша за вольхва и бысть мятежь великъ вельми. Глѣбъ же возма топоръ подъ скутъ и приде к вольхву и рече ему: «То веси ли, что утрѣ хощеть быти что ли до вечера?» Онъ же рече: «Все вѣдаю». И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что [ти] хощеть днесь быти?» Онъ же рече: «Чюдеса велика створю». Глѣбъ же выня топоръ, и ростя и и паде мертвъ, и людие разийдошася, онъ же погибе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу (*В год 6579 (1071) ...И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» Тот же сказал: «Чудеса великие сотворю». Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу*).

Князь Глеб задает вопросы, требующие подтверждения (на них можно ответить *да* или *нет*), прогнозируя ответы оппонента (другие попросту невозможны: у волхва нет выбора, он должен соглашаться с князем, подтверждая свои чудесные способности). После того как князь добился от волхва необходимых ответов, он опровергает их неопровержимым «аргументом». Этот окончательный вердикт-жест (князь убивает волхва топором) представляет собой и опровержение слов оппонента (вместо великих чудес тот оказался убит), и его наказание. При этом целью князя было не переубедить волхва, а разубедить легковерных новгородцев в том, что кудесник обладает чудотворной властью. И это ему удается именно за счет правильно построенного «диалога». Очевидно, что топор, упомя-

нутый в самом начале фрагмента, был взят неслучайно (он, как и знаменитое ружье на стене, должен был «выстрелить», иначе его не следовало упоминать): князь продумал то, как он будет разговаривать с оппонентом и чем закончится выяснение отношений между ними. В данном случае князь выполнил свою социальную функцию (государственная власть над людьми), а способ, к которому он прибег, вызвал восхищение у летописца, включившего эту историю в ПВЛ;

и) Стремясь к достижению перлокутивного эффекта, Коммуникант-1 может пользоваться средствами «недозволенными», например обманывать. В этом случае он нарушает **постулат истинности**, состоящий в том, что в нормальных условиях участники коммуникативного события должны говорить правду или «по крайней мере, не говорить того, что считают ложным» [Падучева 1996: 237]. Обманывая собеседника, Коммуникант-1 преследует исключительно собственные цели, в норме не заботясь о благе Коммуниканта-2. Так, Олег, обратившийся через посланников к Аскольду и Диру со словами ***Гостье есмы, идемъ въ Грѣкы отъ Олга и отъ Игоря княжичича. Да приедета к роду своему к намъ*** (*Мы купцы, идем в греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам: мы с вами одного рода*) (6390), обманул своих собеседников, достигнув тем самым нужного перлокутивного эффекта: вызвал их из города и убил;

к) В понятие **конситуации** помимо прочего включаются и «материальные» условия осуществления речевого акта: так, наличие в поле зрения того или иного предмета вещного мира позволяет Коммуниканту-1 «включить его» в свою речь, использовав как аргумент, как иллюстрацию или совершив с его помощью некий **жест** – невербальный знак, несущий информацию, который или «подкрепит» речь, или даже сделает ее излишней. Например, вместо ответа на вопрос можно показать некий предмет (*Oнi же ркоша: «Что суть вдалѣ?» <u>Они же показаша мечь</u>. И рѣша старцѣ Козарстии: «Не добра дань, княже!»* (6359)), символическое целование креста способно заместить произнесение слова «клянусь» (*По семь же, мѣсяца iюня въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ <u>целовавше крестъ честный</u> къ Всеславу, рекше: «Приди к нама, а не створимъ ти зла»* (6575)), а рукопожатие «ратифицирует» договоренность (*Се же рече, грозя имъ. И рече князь Печенѣжъскый Притичу: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако будi». И <u>подаста руку межю собою</u>* (6476));

л) Наконец, активизируя свои речевые навыки, Коммуникант-1 должен подготовить себя к речи правильной с точки

зрения грамматической: способность или неспособность выстраивать свою речь чисто технически в значительной степени определяет успех или неуспех общения. Коммуникативный **постулат ясности** гласит: в своей речи следует быть кратким и упорядоченным, избегать неясных выражений, неоднозначности (см. в [Падучева 1996: 237]). Однако в реальной речи этот постулат может умышленно нарушаться: так, княгиня Ольга обманывает древлян, строя свою речевую стратегию на основе нарушения именно постулата ясности – она вводит собеседников в заблуждение, раз за разом произнося двусмысленные высказывания[13].

3. Следует заметить, что длительность подготовительного периода, предшествующего собственно общению, зависит от **жанра речевого произведения**: тип коммуникативного события определяет уровень рефлексии Коммуниканта, создающего текст в данных жанровых рамках. Чем более сложным является жанр[14], тем больших усилий он требует от Коммуниканта и, следовательно, тем больше времени уходит на подготовку данного текста (достаточно сравнить подготовительные этапы создания устной бытовой реплики и романа). Сложные жанры требуют от Коммуникантов высокого уровня рефлексии – осознанности в выборе языковых средств при создании текста.

Поскольку объектом нашей статьи является письменно зафиксированная **устная речь**, следует остановиться на таком параметре, как **спонтанность**. Степень спонтанности устной речи зависит от ее подготовленности. Выделяют три типа устной речи, различающихся степенью подготовленности:

– *неподготовленная речь* («...редуцированность замысла, нефиксированность темы, непродуманность стратегии или композиции, импровизированность языковой формы. Такая степень спонтанности характеризует неофициальные бытовые диалоги в непринужденной сфере коммуникации»);

– *частично подготовленная речь* («...существует замысел, тема однозначно определяется ситуацией, стратегия в большей или меньшей степени планируется, форма выражения – импровизированная. Примерами могут служить... диалоги в процессе принятия совместного решения в актуальной коммуникации, диалоги в игровых ситуациях, жанры с монологической установкой»);

– *подготовленная речь* («...тщательная проработанность фаз замысла и планирования, возможна словесная импровизация.

Такая речь для неофициальной коммуникации не характерна, за исключением особых "публичных" жанров поздравления, тоста, репродуктива (пересказа первичного текста)» [Борисова 2005: 107, 108].

Если считать, что спонтанным является текст, «создаваемый непосредственно в момент речи» [Там же: 108], можно утверждать, что устная речь, зафиксированная в ПВЛ, является спонтанной. В большинстве случаев это речь, произносимая в обстановке официального общения, и потому она является частично подготовленной – используются клише и речевые стратегии, свойственные для конкретных коммуникативных ситуаций (объявление войны, заключение мира, вече и под.). В то же время следует учесть, что в летописи представлена **письменно зафиксированная** устная речь, а точнее, речь, подвергшаяся рефлексии и «литературной обработке» со стороны автора летописи[15], в связи с чем ее ни в коем случае не следует считать спонтанной устной речью в прямом смысле слова – скорее ее отголосками (об этом, в частности, свидетельствует отсутствие в ней оговорок, речевых ошибок, обычно характеризующих настоящую спонтанную речь)[16].

III. Пройдя подготовительный этап, Коммуникант-1 приступает к воплощению замысла в речь, облекая мысль в слова, – начинает говорить. В говорении, или **локутивном акте**, Коммуникант-1 должен проявить свои способности, которые можно назвать техникой речи: правильный выбор интонации, тона, громкости речи, расстановка логических ударений, внятность произнесения обеспечивают успешность коммуникации. Так, реплика смертельно раненного Ярополка *Охъ, то ть мя вороже погуби!* (6595) потрясла и присутствовавших рядом, и летописца, внесшего ее в текст и специально отметившего, что князь произнес ее *великимъ гласомъ*.

IV. Следующим за локутивным актом этапом коммуникативного события является **восприятие** сказанного Коммуникантом-2. При этом Коммуникант-2 производит ряд последовательных действий, к которым относятся:

– собственно **восприятие** («восприятие как «прием» некоего сообщения некоторым «устройством»),

– **осмысление**, приводящее к **пониманию**,

– **интерпретация** (происходящая «путем соотнесения "декодированной", вычлененной из текста информации с имеющимися знаниями об экстралингвистической реальности» [Красных 2003: 140].

Очевидно, что Коммуникант-2 должен понять замысел Коммуниканта-1, и в процессе «дешифровки» полученного сообщения он встречает различные сложности:

1. Как мы уже выяснили, значительная часть информации поступает к адресату не эксплицитно, т. е. будучи выраженной словами, но должна «выводиться» им самим на основе сказанного, причем речь в данном случае идет не только о прагматических пресуппозициях:

а) Коммуникант-2 должен уметь устанавливать на основе сказанного **следствие** – суждение, основой которого служит эксплицированная в высказывании информация. Так, Владимир, отчаявшийся найти мужа, способного сразиться с печенегом, услышав реплику старца *Княже, есть у мене единъ сынъ дома меньший, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома: отъ дѣтьства си своего нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми сварящю, оному же мнущю кожу, и разгнѣвася на мя, преторже черевии руками* (6501), обрадовался, а причиной тому стало правильно установленное следствие: «сын старца > силен он может сразиться с печенегом»;

б) Неэксплицитной является информация, содержащаяся в **импликатурах** – «заключениях, которые делает Слушающий, принимая во внимание не только само содержание предложения S, но и то обстоятельство, что Говорящий вообще произнес S в данной ситуации, и то, что Говорящий не сделал вместо высказывания S некоторого другого высказывания S`» [Падучева 2001: 42]. Характерно, что импликатуры часто выводятся из высказываний, нарушающих указанные выше коммуникативные постулаты; к ним относятся тавтологии (типа *Война есть война, Женщина есть женщина*), высказывания, содержащие тропы, например метафору (так, если воспринимать шуточное высказывание русичей о радимичах *Пѣщаньци волъчья хвоста бѣгаютъ* (6492) буквально, то оно покажется абсурдным), оскорбительные высказывания;

в) Помимо прагматической выделяют также **семантическую пресуппозицию** – неэксплицитное «суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы предложение S было для него осмысленным» [там же: 58]. Соответственно, если информация, содержащаяся в высказывании Коммуниканта-1, противоречит семантической презумпции Коммуниканта-2, тот вправе счесть ее ложной и обвинить собеседника в обмане, как это делают мужи Владимира, Давыда и Олега, развенчивая самооправдание Святополка: «*Извѣта о семъ не*

мѣшта, яко Давыдъ есть слѣпилъ и: не въ Давыдовѣ градѣ ять есть, ни ослѣпленъ, но въ твоемъ городѣ ять и ослѣпленъ» (6605).

2. «Расшифровку» иллокутивной цели Коммуниканта-1 затрудняет то, что очень часто высказывания, которые, казалось бы, предназначены для выражения вполне определенных иллокутивных функций, в данной конкретной коммуникативной ситуации выражают цели совершенно иные. Так, вопросительные высказывания, иллокутивной целью которых должно быть требование информации, могут выступать в самых различных иллокутивных функциях. Например, касожский князь Редедя, задавая Мстиславу вопрос: *«Что ради губивѣ дружину межи собою?»* (6530), – на самом деле не интересуется его мнением, а сам как бы утверждает: *«Дружину губить незачем»*. И Мстислав понимает это и не дает ответа на вопрос, поскольку в этом ответе нет нужды, но соглашается с предложением сойтись в личном бою.

Высказывания, имеющие не **прямые**, «вытекающие из буквального смысла предложения» [Падучева 2001: 44], а **косвенные иллокутивные функции**, используются для выполнения так называемых **косвенных речевых актов** (КРА). Понятие КРА позволяет выделить в **коммуникативном потенциале** высказывания, представляющие собой совокупность возможных иллокутивных функций высказывания, **основную** (прямую), устанавливаемую вне контекста, и **периферийные** (косвенные) функции, реализующиеся в КРА[17].

Таким образом, Коммуникант-2 должен уметь отличить косвенный речевой акт от прямого и адекватно воспринять коммуникативное намерение Коммуниканта-1, попутно восстановив те неэксплицитные смыслы, которые «скрываются» за КРА. Основой этой его способности является то, что «использование косвенных речевых актов в большей или меньшей степени является конвенционализированным» [Лайонз 2003: 269]. **Конвенциональность** проявляется в том, что любой носитель языка должен обладать знаниями о наборе (репертуаре) потенциально употребимых в данной коммуникативной ситуации высказываний (в том числе и КРА), которые позволят говорящему реализовать его коммуникативное намерение[18]. Данное знание является общим и обязательным, а его отсутствие ведет к коммуникативным неудачам.

Анализ ПВЛ показывает, что восприятие КРА персонажами летописей, «расшифровка» ими сказанного аналогична современной: однозначно толкуются персонажами выска-

зывания, иллокутивное значение которых выводится только из пресуппозиций, сопутствующих коммуникативной ситуации; расшифровывается коммуникативное намерение говорящего, а не мнимая иллокутивная цель, устанавливаемая на основе опознавания формальных признаков высказывания. Так, царь Константин, обращаясь к Ольге, говорит: «*Подобна еси царствовати в городѣ семь с нами*». Это оценочное суждение может быть воспринято и как похвала, и как констатация факта, однако Ольга, *разумѣвши*, отвечает царю: «*Азъ погана есмь, да аще меня хощеши крестити, то крѣсти мя самъ; аще ли, то не крешуся*» (6463). Если бы она восприняла реплику Константина буквально, она не должна была бы ответить ему **так**. Но она понимает, что за словами царя скрывается какой-то иной смысл, какая-то иная иллокутивная цель (не похвала, а что-то другое), и дальнейшие события показывают, что она верно расшифровала этот КРА: это было предложение выйти замуж.

Следует различать КРА, в которых иллокутивная цель выводится из оценки уместности произнесения фразы (как в рассмотренном диалоге), и те КРА, в которых иллокутивная цель противоречит содержанию самого высказывания. Это характерное для современного русского языка явление частотно и в ПВЛ. Когда *Олегъ... приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ, и слѣзъ с коня, посмѣяся рекя: «Отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти?»* (6420), он имел в виду, что от этого *лба* ему смерти точно **не** ждать, т. е. подразумевал прямо противоположное сказанному. Тот же механизм задействован и в вопросах с отрицаниями: когда изнемогшие в осажденном печенегами Киеве люди спрашивают: «***Нѣсть ли*** *кого, иже бы на ону страну моглъ дойти?*» – формально положительным должен быть ответ «нет». Однако они слышат то, на что и надеялись, – слова *одного отрока*: «*Азъ могу преити*» (6476).

3. Одной из особенностей устной речи является ее **эллиптичность**: стремясь сделать свою речь более информативно насыщенной, Коммуникант-1 не эксплицирует всё то, что может быть восстановлено из предтекста (того, что сказано ранее) или конситуации (экстралингвистических условий общения), руководствуясь принципом «выразить максимум содержания, используя минимум средств». При этом умение восстановить «недостающую» в высказывании информацию на основе анализа предтекста и конситуации входит в число обязательных навыков Коммуниканта-2. Так, Святослав, принимая

дары от греческих послов, бросает своим отрокам отрывистое *Похороните!* (6479). С точки зрения нормативной грамматики ему следовало бы сказать **Вы похороните эти дары!*, однако в данной ситуации называние субъекта и объекта действия *спрятать* излишне: собеседники и так понимают, о чем идет речь.

Реплики, в которых обнаруживается эллипсис, в большинстве своем являются реактивными, при этом невыраженными остаются вполне определенные синтаксические значения: субъект (*И посѣдѣвъ мало Давыдъ, рече: «Гдѣ есть братъ?» Они же рекоша ему: «Стоить на сѣнехъ»* (6605); *Онъ же рече има: «То гдѣ есть?» Она же рекоста: «Сѣдить вь безднѣ»* (6579)), предикат (*И видѣвъ же князь Печенѣжьскый, възвратися единъ къ воеводѣ Притичю, и рече: «Кто се приде»? И рече ему: «Людье онол страны»* (6476)), инфинитив при фазисном и модальном глаголе (*Рече Володимеръ: «Брате! Ты еси старѣй; почни глаголати, како быхъмъ промыслили о Руськой земли». И рече Святополкъ: «Брате, ты почни»* (6619); *Онъ же рече дъщери своей: «Хощеши ли за Володимира»? Она же рече: «Не хощю розути Володимира, но Ярополка хочю»* (6488)), объект (*Деревляне же рькоша: «Ради быхомъ ся яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же имъ Ольга яко: «Азъ уже мьстила есмь мужа своего»* (6454)) и некоторые другие. В таких высказываниях предпосылкой эллипсиса в реактивных репликах является заполнение соответствующих синтаксических позиций в предшествующих репликах. Характерно, что эллипсису подвергаются те члены предложения, которые, будь они произнесены, попали бы в тему высказывания. Таким образом, «сокращая» свое высказывание до ремы, содержащей новую для собеседника информацию, Коммуникант-2 добивается более высокой информативности речи.

По той же причине эллипсису может подвергаться не только отдельная часть высказывания, но и высказывание целиком — в тех случаях, когда предшествующая реплика подвергается оценке Коммуниканта-2, как это происходит, например, в диалогах *Отвѣщавъ же Володимеръ рече: «То кде крещение приимемъ»? Они же рѣша: «Кдѣ ти любо»* (6495) (ср. с **Мы примем крещение там, где тебе хочется*) и *В се же время придоша людие Новъгородьстии, просяще князя себѣ: «Аще не пойдете к намъ, то налѣземъ князя себѣ». И рече к нимъ Святославъ: «Абы кто к вамъ шелъ». И отьпрѣся Ярополкъ и Олгъ; и рече Добрыня: «Просите Володимиря»* (6478) (ср. с **Просите Владимира, чтобы он к вам пошел княжить*). Заметим, что случаи «опущения» предшествующей реплики, подвергаемой оценке, настолько частотны в уст-

ной речи, что, по сути, эллипсис в такой ситуации является нормой, а потому уже не воспринимается как эллипсис.

Значительно реже эллиптированными бывают инициальные реплики. В них «опускаются» те члены предложения, грамматические значения которых в этих предложениях дублируются. Речь идет о подлежащих, называющих субъект действия: если агенсом является говорящий или его собеседник, его можно не называть, т. к. соответствующее значение (1 или 2 лицо) будет выражено глаголом (*Янъ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроки его: «Не ходи безъ оружья, осоромять тя»* (6579); *Посадникъ Костянтинъ, сынъ Добрынь, с Новгородци расѣкоша лодьи Ярославлѣ, рекуще: «Можемься еще битись по тобѣ с Болеславомъ и съ Святополкомъ»* (6526)).

Отмеченные выше случаи эллипсиса характеризуют те возможности говорящего, которые представляет ему устная природа диалога. Однако встречаются в ПВЛ и такие фрагменты, в которых эллипсис являет собой результат языковой рефлексии автора письменного текста. Так, во фрагменте *Василко... мнѣ же рече: «Иди къ Давыдови и рци ему: пришли ми Кулмѣя; азъ его пошьлю к Володимеру». И не послуша его Давыдъ, и посла мя река пакы: «Нѣ ту Кульмѣя». І рече ми Василко: «Посѣди мало»* (6605) «пропущена» часть рассказа о том, как автор ПВЛ (в данном случае – посредник между Васильком и Давыдом) ходил к Давыду и вернулся обратно, – введение данного микроэпизода затормозило бы ход повествования, не сообщив читателю ничего нового: читатель, будучи по отношению к автору ПВЛ Коммуникантом-2, обладает общими с ним пресуппозициями и способен расшифровать неэксплицированное «послание» автора о его «путешествии» (аналогично в *И рѣша Новгородци Святославу: «Вьдай ны Володимира». И пояша Новгородьци Володимiра себѣ* (6478) – «поять» Владимира себе новгородцы могли только после разрешения Святослава; *Старѣць знаменася крестнымъ знаменьемь, и приде в кѣлью; и бысть свѣтъ, и разумѣ старѣць, и рече кѣлѣйнику: «Иди, въспроси, есть ли Михаль в кельи?» И рѣша ему яко: «Въскочилъ есть чресъ столпье по заутрѣни»* (6582) – на вопрос о Михале старцу ответили после того, как келейник сходил и узнал ответ). Таким образом, в авторском использовании эллипсис служит целям компрессии текста.

V. Восприняв, поняв и проинтерпретировав высказывание собеседника, Коммуникант-2 приступает к деятельности иного рода: в той или иной форме он **отвечает** на уже прозвучавшую реплику. «...Слушающий, воспринимая и понимания зна-

чение речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т. п. ...Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [Бахтин 1997: 169]. При этом ответом может быть даже бездействие в одной из его форм – молчании. Так, Владимир требует от Давыда Игоревича объяснить, в чем состоят претензии последнего по отношению к другим князьям: «*...Да се еси пришелъ и сѣдиши съ своею братьею на единомъ коврѣ: и чему не жалуеши, до кого ти обида?*» И далее летописец отмечает: «*И не отвѣща ему ничтоже Давыдъ*» (6608). Именно молчание Давыда, его неспособность объяснить свое поведение позволило братьям посадить его *опрочь* и *не припускать к собе, особо думая* о нем, а потом отказать ему в *столе Володимерьском*.

Итак, ответ Коммуниканта-2 является одной из форм перлокутивного эффекта и может состоять в действии (или бездействии), направленном на изменение внеязыковой действительности, или в действии речевом. В последнем случае рождается **диалог** – обмен репликами между участниками коммуникативного события.

Реплика Коммуниканта-1 (реплика-1) является инициальной, побуждающей к общению, реплика Коммуниканта-2 (реплика-2) – реактивной, ответной. Будучи непосредственно связанной с репликой-1, реплика-2 зависит от нее: реплика-1 провоцирует то, какой будет реплика-2 (на вопросы отвечают, советы принимают или отклоняют, на рассказ о событии реагируют его оценкой и т. д.). Таким образм, совокупности реплик-1 и -2 образуют определенные «жанры человеческого общения»: «1) **информативный диалог** (сводится к вопросно-ответным парам), 2) **прескриптивный диалог** (сводится к паре «прескрипция – обещание / отказ»), 3) **обмен мнениями** с целью принятия решения или выяснения истины (спор, дискуссия, обмен мнениями), 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование **межличностных отношений** (имеет различные формы, распределенные между унисоном (искренние признания, взаимные комплименты) и диссонансом (ссоры, выяснения отношений), 5) **празднoречевые жанры**: а) эмоциональный (жалобы и сочувствие, хвастовство и восхи-

щение, опасения и страхи), б) артистический (мини-рассказы, шутки, остроты, анекдоты), в) интеллектуальный (разговоры о текущих делах и о политике, прогнозы на будущее и оценка прошлого и т. п.)» [Арутюнова 1999: 649–652].

Безусловно, число реплик в диалоге может быть неограниченным: в нормальной обстановке общение прекращается исчерпанностью затронутой темы. Каждая из реплик представляет собой **речевой шаг**, занимающий определенное место в **речевом ходе** диалога. Речевой шаг может состоять из нескольких высказываний, произнесенных подряд одним из коммуникантов, при этом каждое из этих высказываний может иметь определенную иллокутивную функцию, а речевой шаг – выражать **глобальную иллокутивную цель.**

Интересна связь жанра диалога и эллипсиса: чем большее количество речевых шагов характеризует летописный диалог, тем чаще в нем используется эллипсис. Причиной тому их содержание: пространные диалоги в ПВЛ являются или **информативными** (вопросы и ответы), или содержащими **обмен мнениями** (спор, дискуссия), т. е. относятся к таким типам диалога, для которых быстрый обмен информацией представляется важнейшей коммуникативной установкой собеседников, как это происходит, например, в диалоге хазар со старейшинами: *Задумавше же Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козарѣ къ князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ, и рѣша имъ: «Се налѣзохомъ дань нову»* (не эксплицирован субъект) *Они же рѣша имъ: «Откуду?»* (не эксплицированы субъект, предикат и объект) *Они же рѣша имъ: «В лѣсѣ на горихъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою»* (не эксплицированы субъект, предикат и объект) *Онi же рѣкоша: «Что суть вдалѣ?»* (не эксплицирован субъект и адресат) *Они же показаша мечь* (информация представлена невербально).

Для характеристики диалога крайне важно, какие коммуникативные роли исполняют участники коммуникативного события. Помимо естественной мены ролей «говорящий – слушающий», существенным оказывается то, кто из коммуникантов в процессе обмена репликами владеет инициативой. Коммуникант-1 по определению является инициатором общения (проявляет инициативу), а Коммуникант-2 лишь реагирует на сказанное. Однако в процессе коммуникации Коммуникант-2 может «перехватить» инициативу, и тогда диалог приобретает иное направление, чем было в его начале: его «ведет» уже не Коммуникант-1, а Коммуникант-2. Так, Коммуникант-2, услы-

шав требование собеседника, может выдвинуть свое, как это делают греческие цари Василий и Константин, которые в ответ на угрозу Владимира (*Се градъ ваю славный взяхъ. Слышю же се, яко сестру имаете двою, да аще ею не вдасте за мя, то створю граду вашему, якоже и сему створихъ* (6496)) предлагают ему самому сделать выбор (*Не дост[оит]ь крестьяномъ за поганыя посягати и даяти. Аще ли ся крестиши, приимеши се, и получиши царство небесное, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можевѣ дати сестры своей за тя*), так что русскому князю приходится уже не диктовать свои условия, а выбирать – соглашаться или не соглашаться с собеседниками (он выбирает первое: *Азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми любъ, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мужи*).

Реплики, произносимые коммуникантами, могут различаться своим объемом, который определяется коммуникативными установками говорящих. Выделяют два **режима** диалоговедения: **реплицирующий** и **нарративный**. В первом «реализуется установка на быстрый темп речевого обмена перемежающимися репликами с передачей речевого хода», во втором – «установка на монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения» [Борисова 2005: 183].

В ПВЛ **реплицирующий режим** диалоговедения преобладает над **нарративным**, что вполне объяснимо: персонажи летописи в большинстве случаев стремятся достичь перлокутивного эффекта, т. е. быть действенными. Они ясно дают понять собеседнику, чего хотят добиться. Нарративный режим указывает на совершенно иную интенцию говорящего: он стремится не к преобразованию, а к описанию мира[10]. Реплицирующему режиму свойственен быстрый обмен репликами, причем реплики эти по преимуществу являются краткими. И мы видим, что **речевые шаги** (реплики) коммуникантов в ПВЛ в норме состоят из одного / двух / трех высказываний, более пространные реплики крайне редки, причем верхним пределом для них является наличие семи высказываний (по нашим данным, в ПВЛ насчитывается 584 реплики, из них состоят из 6 высказываний – 2 реплики, из 5 высказываний – 6 реплик, из 4 высказываний – 12 реплик). Как правило, высказывание бывает выражено простым предложением, реже – сложным, включающим в себя две, максимум три предикативные единицы. При этом эти предикативные единицы являются доста-

точно короткими, состоящими из трех / четырех / пяти слов. Таким образом, в «количественном» отношении реплики коммуникантов в ПВЛ таковы, какими они бывают в действительности – в устной речи.

* * *

Итак, мы видим, что категории современной русистики, оказывается, вполне применимы к древним текстам. При этом некоторые из особенностей строения древних текстов, непонятные для историка языка, могут быть объяснены с помощью данных современной лингвистики.

Так, историки языка неоднократно отмечали то, что в древних памятниках реплики персонажей часто вводятся в текст с помощью двух глаголов, один из которых используется в форме причастия, а другой – в личной форме (*рече глаголя* и т. п.). При этом внятного объяснения данное явление не получало: исследователи, как правило, ограничиваются замечанием о том, что данное употребление является избыточным и представляет собой черту архаического синтаксиса, причем заимствованную – восходящую к греческим текстам, переводимым на церковнославянский язык.

Между тем, на наш взгляд, использование двойных глаголов при введении прямой речи ни в коем случае нельзя считать избыточным: **древнерусский книжник употребляет двойные глаголы для того, чтобы отразить структуру коммуникативного события**, описываемого в данном фрагменте текста.

Дело в том, что ПВЛ имеет двоякую природу: текст летописи является письменным и, будучи сам по себе речевым актом, в котором коммуникантами выступают автор и читатель, дает описание речевого акта, в котором коммуникантами являются персонажи. Таким образом, ПВЛ отражает речевую деятельность коммуникантов разной природы – **текстовую** и **дискурсивную**. Первая связана с созданием письменного текста (т. е. самой ПВЛ), адресат которого является виртуальным (потенциальный читатель), будучи разделенным с автором в пространстве и времени (создание текста и его восприятие не одновременны). Дискурсивная же деятельность направлена на перлокутивный эффект, а потому подразумевает непосредственный контакт коммуникантов и устную форму общения. В связи с этим интересно, что автор летописи, «воспроизводя» реплики персонажей, сам порождает текст, в рамках которого обязательно указывается наличие или отсутствие перло-

кутивного эффекта, т. е. то, ради чего говорят (общаются) его персонажи. Таким образом, прямая речь в летописи представляет собой текст в тексте (или **дискурс** в **тексте**, если использовать современную лингвистическую терминологию): для самих персонажей их речевые действия ограничены рамками диалога (монолога), но получают текстовое обрамление (в препозиции и постпозиции) в рамках летописи – это уже речевая деятельность автора.

Двойные глаголы в летописи – результат речевой деятельности летописца, которая помогает ему «прокомментировать» для читателя то коммуникативное событие, которое он, автор, описывает. Следовательно, репертуар используемых летописцем глаголов указывает на его представление о коммуникативном событии вообще, и оно оказывается удивительно близким тому, которое имеем мы, потомки великого средневекового автора.

Какие именно глаголы составляют пары при введении прямой речи? Один из них называет **локутивный акт** – сам акт говорения (*глаголати*, *ректи*). Второй глагол характеризует одну из составляющих коммуникативного события, представляющую особый интерес в описываемом речевом акте:

– **экстралингвистическая ситуация** (внеязыковой стимул) может порождать особое **психологическое состояние** персонажа и провоцировать его на произнесение реплики (***В лѣто 6505 ...И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь и почерпоша вѣдромъ льяху в ладкы, и взряху пред ними, яко вариша пред ними кисель; и поемьша и приведоша къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти первое сами, потомъ же и Печенѣзѣ. И удивишася, рекоша: «Не имуть сему вѣры наши князи, аще не ядять сами»*** – *В год 6505 (997) ...И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами»* – т. е. сказали, потому что удивились);

– указывается **эмоциональное состояние** говорящего, вызванное **экстралингвистической ситуацией** (***В лѣто 6494 ...И се рекъ, показа ему запону, на нейже бѣ написано судище Господне; показываше же ему одесную праведныа въ веселіи предъидущу в рай, а ошуюю грѣшныа идущихъ въ муку. Володимеръ же въздохнувъ рече: «Добро симъ одесную, горе же симъ ошуюю»*** – *В год 6494 (986) ...И, сказав это, философ показал Владимиру за-*

весу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева»);

– указывается действие, приводящее к возникновению **канонической ситуации общения**: для того чтобы начать разговор, собеседники должны оказаться в одно время в одном месте (***В лѣто 6420 …И пришедшю ему къ Киеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекъли вольстви умрети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, рекя: «Где есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?»*** – *В год 6420 (912) …И вернулся он в Киев, и прошло 4 года, и на пятый год вспомнил он о своем коне, от которого, как сказали волхвы, он умереть должен был, и призвал он старшего конюшенного, спрашивая: «Где мой конь, которого я приказал кормить и беречь?»*);

– указывается, что коммуникация проходила **не** в канонической ситуации общения (например, связь осуществлялась через послов) (***В лѣто 6453 …Послании же сли Игоремъ придоша къ Игореви съ послы Грѣцкими, и повѣдаша вся рѣчи царя Романа. Игорь же призва послы Грѣцкыя, рече: «Молвите, что вы казалъ царь?»*** – *В год 6453 (945) …Послы, посланные Игорем, пришли к Игорю с греческими послами и поведали все сказанное царем Романом. Игорь же призвал греческих послов, сказал им: «Говорите, что наказал вам цесарь?»*);

– коммуниканты должны иметь общую **когнитивную базу** (информацию, известную обоим коммуникантам); летописец может указать канал ее получения (***В лѣто 6406 …И рѣкоша философы: «Есть мужь в Селуни, именемъ Левъ, и суть у него сынове разумиви языку Словеньску, и хытра два сына у него и философа». Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь къ Львови, глаголи: «Пошли к намъ сына своя Мефедья и Костянтина»*** – *В год 6406 (898) …И сказали философы: «Есть муж в Селуни, именем Лев, и есть у него сыновья, знающие славянский язык, умны эти два сына и знающи». Услышав это, царь послал за ними в Селунь ко Льву, говоря: «Пришли к нам сыновей своих Мефодия и Константина»*);

– глагол может назвать **иллокутивную функцию** высказывания (***В лѣто 6493 …И сътвори миръ Володимиръ с Болгары, и ротѣ заходиша межи собою, и рѣша Болгаре: «Толи не буди мира межи нами, оли же камень начнетъ плавати, а хмель грязнути»*** – *В год 6493 (985) …И заключил Владимир мир с болгарами.*

и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»);

– **иллокутивная функция** высказывания может быть объяснена через называние символического **жеста** говорящего (***В лѣто 6605 ...И съступишася на поли на Рожни, исполчившимъся имъ обоимъ, Василко же узвыси хресть, глаголя: «Яко сего еси цѣловалъ, се яко взялъ еси зракъ у мене очью моею, а се нынѣ отъяти хощеши душю мою; і межі буди нами хресть сий честный»*** – *В год 6605 (1097) ...И встретились в поле на Рожни, исполчились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!»*);

– летописец может указать **иллокутивную функцию косвенного речевого акта** (***В лѣто 6605 ...Наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: «Не ходи отъ именинъ моихъ». Василко же отопрѣся, река: «Не могу ждати, еда будеть рать дома»*** – *В год 6605 (1097) ...Когда же настало утро, прислал к нему Святополк, говоря: «Не уходи до моих именин». Василько же отказался, говоря: «Не могу ждать, как бы не случилась война дома»* – Василько не отказывает брату напрямую, но объясняет причину своего подразумеваемого отказа; то, что Василько «оправдывается», должно привести Святополка к мысли, что ему отказано – тот же вывод делает и летописец, указывая, что Василько ***отопрѣся***);

– летописец может указать **глобальную иллокутивную функцию** в том случае, когда реплика говорящего состоит из нескольких высказываний (***В лѣто 6420 ...Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рекя: «То ть не право молвять вольсві, но все то лъжа есть; конь умерль, а я живъ»*** – *В год 6420 (912) ...Олег же посмеялся и укорил кудесника, говоря: «То всё неправду говорят волхвы, всё это ложь. Конь умер, а я жив»* – первая фраза Олега представляет собой оценочное суждение (*Кудесники лгут*), вторая – констатацию факта (*Я жив*), подтверждающего оценочное суждение; в целом же князь произносит эту реплику для того, чтобы обличить (*укорить*) кудесников вообще и того кудесника в частности, который когда-то напророчествовал Олегу смерть от коня);

– указывается, **каким голосом** произносилась реплика (акустические особенности локутивного акта) (***В лѣто 6582 ... Бѣси же кликнуша и рекоша: «Нашь еси уже, Исакье»*** – *В год 6582 (1074) ...Бесы же закричали, говоря: «Наш ты, Исакий, уже!»*);

– указывается «внутренний» **перлокутивный эффект**: чего хотел **добиться** говорящий **для себя лично** (***В лѣто 6581 ...Изяславъ же иде в Ляхы со имѣниемъ и съ женою, <u>уповая богатьствомъ многымъ</u>, глаголя: «Яко симъ налѣзу воя», – еже взяша у него Ляхове, показаша ему путь отъ себе*** – *В год 6581 (1073) ...Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством и с женою, <u>надеясь на это богатство</u>, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его*);

– указывается «внешний» **перлокутивный эффект**: чего хотел **добиться** говорящий **от собеседника** (***В лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу оба поль Днѣпра, и не смѣяху ни си на они наити, и ни тѣи на сихъ, и стояла за 3 мѣсяцѣ противу собѣ. И воевода нача Святополчь, яздя възлѣ бѣрег, <u>укаряти</u> Новгородци, глаголя: «Что приидосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще? А приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ»*** – *В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, <u>подначивать</u> новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!»*);

– глагол указывает место **речевого шага** в диалоге, называя **коммуникативную цель** говорящего (инициальные реплики) (***В лѣто 6370 ...И та испросистася къ Царюграду с родомъ своимъ, поидоста по Дънепру, идучи мимо, и узрѣста на горѣ городокъ и <u>въспрошаста</u>, ркуще: «Чий се городъ?»*** – *В год 6370 (862) ...И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город и <u>спросили</u>, говоря: «Чей это городок?»*);

– глагол указывает место **речевого шага** в диалоге, называя **отношение** произносимой реплики **к предшествующей фразе** (реактивные реплики) (***В лѣто 6619 ...И въпросиша колодникъ, глаголюще: «Како вась толика сила и многое множество, не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгосте?» Си же <u>отвѣщеваху</u>, глаголюще: «Како можемъ бітися с вами? А друзии ѣздяху верху вась въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?»*** – *В год 6619 (1111) ...И спросили пленников, говоря: «Как так вышло: у вас такая сила и вас так много, но вы не смогли сопротивляться и вскоре обратились в бегство?» Те же <u>отвечали</u>, говоря: «Как мы можем биться с вами? Ведь над вами ездили некие в оружии светлом, страх вызывающие, те, что помогали вам!»*);

– указывается то, **как** говорящий **отнесся к** уже **произнесенной реплике** своего собеседника (***В лѣто 6603 ...В се же вре-***

мя пришелъ Славятя іс Киева отъ Святополка к Володимеру, на нѣкое орудье; и начаша думати дружина Ратиборова чадь съ княземъ Володимеромъ о погубленѣ Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, глаголющю ему: «Како могу се азъ створити, ротѣ с ними ходивъ?» *– В год 6603 (1095) …В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?»*)

или к **событию**, произошедшему раньше (***В лѣто 6504 … Егда же подопьяхуться и начаху роптати на князя, глаголюще: «Зло есть нашимъ головамъ! Да намъ ясти древяными лжицами, а не серебряными»*** *– В год 6504 (996) …Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными»*);

– указывается, к какому **речевому жанру** следует отнести речение говорящего (***В лѣто 6504. Володимиръ же видивъ церковь свѣршену, и вшедъ в ню помолися Богу, глаголя: «Господи Боже! Призри с небеси и вижь, посѣти винограда своего, и свѣрши, яже насади десница твоя, люди сия новыя, имъже обратилъ еси сердца в разумъ, познати тебе истиньнаго Бога…»*** *– В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу, говоря так: «Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И сверши то, что насадила десница твоя, – новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного…»*);

– указывается то, какой **коммуникативный постулат** был нарушен (***В лѣто 6581 …Святославъ же бѣ начало выгнанию братню, желая болшая власти: Всеволода бо прельсти, и глаголя: «Яко Изяславъ въстаеть съ Всеславомъ, мысля на наю. Да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати». И тако взострі Всеволода на Изяслава*** *– В год 6581 (1073) …Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти. Всеволода же он обманул, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас. И если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода против Изяслава*);

– **всезнающий автор** летописи способен **оценить произносимое** говорящим как

истинное или ложное (***В лѣто 6488 …Володимиръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, с лѣстью глаголя: «Поприяй ми. Аще убью брата своего, имѣти тя начну въ отца мѣсто своего***

и многу честь возмеши отъ мене. Не я бо началъ братью бити, но онъ. Азъ же того убояхься и придохъ на нь» *– В год 6488 (980) ...Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка, – с хитростью говоря: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня. Не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него»)*,

доброе или пагубное (***В лѣто 6605 ...и влѣзѣ сотона у сердьце нѣкоторымъ мужемъ и начаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: «Яко Володимеръ сложилься есть с Василкомъ на Святополка и на тя»*** *– В год 6605 (1097) ...И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя»*);

– **всезнающий автор** может даже «угадать» **вопрос** персонажа, **адресованный к самому себе** (***В лѣто 6523 ...Святополкъ же оканьный помысли в себѣ, рекъ: «Уже убихъ Бориса. А еще како бы убити Глѣба?»*** *– В год 6523 (1015) ...Святополк же окаянный стал думать про себя, говоря: «Вот убил я Бориса. Как бы убить Глеба?»*).

Итак, двойные глаголы перед прямой речью позволяют автору летописи обратить внимание читателя на существенные особенности коммуникативного события. Иногда их оказывается несколько, и тогда прямой речи предшествует более двух глаголов:

В лѣто 6496 ...И се мужъ, именемъ Анастасъ, Корсунянинъ, стрѣли, написавъ на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идеть по трубѣ; копавше преймете воду». Володимеръ же се слышавъ, възрѣвъ на небо и рече: «Аще ся сбудеть се, имамъ креститися» *– В год 6496 (988) ...И вот муж, именем Анастас, корсунянин, пустил стрелу, написав на ней: «За тобою с восточной стороны – колодец, из которого вода по трубе идет. Если перекопаете его, то воду перейметe». Владимир же, это услышав, возэрел на небо и сказал: «Если это сбудется, я крещусь!»* – называется внеязыковой стимул (Владимир *услышалъ* нечто новое), через упоминаемый жест указывается адресат (*възрѣвъ на небо*), фиксируется само говорение (*рече*);

В лѣто 6605 ...Володимеръ же слышавъ, яко ятъ есть Василко и ослѣпленъ, ужасеся, и въсплакася вельми і рече: «Сего не было есть у Русьской земли ни при дѣдехъ нашихъ, ни при отціхъ нашихъ, сякого зла» *– В год 6605 (1097) ...Владимир же услышав о том, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, разрыдался*

и сказал: «Не бывало на Руси ни при дедах наших, ни при отцах такого зла!» – описывается цепочка событий, приведших к говорению: стимул (новое знание) – психологическая реакция – эмоциональная реакция – рациональная реакция (суждение, произносимое персонажем).

* * *

К сожалению, в рамках данной статьи невозможно с достаточной степенью подробности описать **коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника**; двойные глаголы, вводящие прямую речь, лишь частично отражают это представление. Но и на основе сказанного можно сделать вывод: в тексте ПВЛ реализуется целостная концепция восприятия коммуникативного события как явления, состоящего из множества в равной степени значимых элементов, взаимосвязанных и взаимоопределяющих.

Наше знание о мировоззрении средневекового человека ограничено той информацией, которую иногда удается извлечь из материальных источников, прежде всего – текстовых (через слово – написанное или передаваемое из уст в уста). Между тем не менее важным оказывается выявление смыслов, не выраженных словом, а находящихся «за ним». Методы исследования, разрабатываемые современной лингвистикой, связанные в том числе и с изучением коммуникативного события, могут стать существенным подспорьем в этой сложной, но необходимой деятельности.

Литература

Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.

Бахтин 1997 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров (1953) // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. V. М., 1997.

Бестужев-Рюмин 1868 – *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.

Борисова 2005 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005.

Верещагин, Костомаров 2005 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 2005.

Демин 1998 – *Демин А.С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998.

Демин 2005 – *Демин А.С.* «Подразумевательное» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005.

Кобозева 2000 – *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.

Колесов 2000 – *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.

Конявская 2000 – *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000.

Королев 2000 – *Королев А. С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40–70-е годы X века. М., 2000.

Красных 2003 – *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Лайонз 2003 – *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. Введение. М., 2003.

Остин 1999 – *Остин Дж.* Избранное. М., 1999.

Падучева 1996 – *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.

Падучева 2001 – *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 2001.

Толочко 2003 – *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.

Успенский 2002 – *Успенский Б. А.* Этюды о русской истории М., 2002.

Янко 2001 – *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Янко 2003 – *Янко Т. Е.* Описания мира и речевые действия: о способах выражения иллокутивных целей говорящего // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исключением служат исследования Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, вошедшие, в частности, в их труд «Язык и культура» (М., 2005).

[2] Подробную библиографию и обзор наиболее распространенных точек зрения о происхождении ПВЛ см. в [Королев 2000] и [Толочко 2003].

[3] Коммуникантами мы будем называть участников коммуникативного события, при этом Коммуникантом1 будет считаться инициатор общения, которому принадлежит «первое слово» в диалоге или полилоге. В процессе общения Коммуниканты могут меняться ролями: например, в споре Коммуникант-2 может «перехватить инициативу», заставив Коммуниканта-1 отвечать на «неприятные» вопросы и выслушивать обвинения, т. е. выступать не как реагирующая сторона, а как сторона, инициирующая общение.

Коммуникантами мы будем считать не только участников канонической ситуации общения (говорящий и слушающий общаются непосредственно в одном месте и в одно время), но и участников более сложных коммуникативных событий (например, ситуации «автор (художественного) текста» / «читатель», «предок» / «потомок»). Коммуникативным мы назовем также событие неадресованного создания текста: ситуацию, при которой Коммуникант-1 создает речевое произведение, как будто ни к кому не обращаясь. Адресатом такого текста может быть некий виртуальный адресат, в том числе и сам создатель текста: так или иначе, Коммуникант-1 преследует определенные цели, которых, по его мысли (или ощущению), он может достичь только за счет создания речевого произведения. Например, когда прыгун в высоту готовится к прыжку, он может себя настраи-

вать, обращаясь к себе-прыгуну от лица себя-психолога, способного уговорить своего собеседника достичь положительного результата.

[4] В данном случае мы не задаемся вопросом, до какой степени осознанной, интуитивной или/и автоматической является деятельность Коммуниканта-1, предшествующая собственно говорению (письму).

[5] «В каждом высказывании – от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы – мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой замысел или речевую волю говорящего, определяющую целое высказывания, его объем и его границы. Мы представляем себе, что хочет сказать говорящий, и этим речевым замыслом, этой речевой волей (как мы ее понимаем) мы и измеряем завершенность высказывания. Этот замысел определяет как самый выбор предмета (в определенных условиях речевого общения, в необходимой связи с предшествующими высказываниями), так и границы и его предметно-смысловую исчерпанность» [Бахтин 1997: 179].

[6] «Коммуникативные постулаты, или постулаты дискурса по Грайсу, – это своего рода предписания говорящим, вытекающие из некоего общего принципа кооперации – принципа, состоящего в том, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания» [Падучева 1996: 237].

[7] Поскольку для целей данного исследования точное воспроизведение графики, орфографии и пунктуации ПВЛ по соответствующим спискам несущественно, графика и орфография примеров упрощены, произведена разбивка текста на предложения, пунктуационные знаки используются в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент. В некоторых случаях мы сочли необходимым дать перевод соответствующих фрагментов. Цитаты даются по изданию «Библиотека литературы Древней Руси. Том 1» (СПб., 2000).

[8] Когнитивная база реализуется, в частности, в часто встречающихся в ПВЛ речевых формулах – топосах, «устойчивых словесных формулах, допускающих, конечно, какие-то вариации» [Konявская 2000: 33], произносимых в условиях официального общения. Топосы представляют собой речения, которые не производятся, но воспроизводятся говорящим. «Найти равновесие между личным наполнением топоса и традиционным использованием устойчивой формулы как в целом – в литературе определенного типа, так и в каждом конкретном произведении весьма непросто. ...Конечно, нельзя исходить из того, что агиограф (и книжник вообще. – *В.С.*) употребляет топосы совершенно механически. Представляется, что смысловое и эмоциональное наполнение подобных общих мест можно сравнить с чтением молитвы. Та или иная молитва, псалом избираются сознательно, присваиваются человеком интеллектуально и эмоционально, но, разумеется, не воспринимаются как вновь созданные» [Конявская 2000: 32].

Следует заметить, что использование топосов характеризует древнерусскую культуру в целом. Более того, культуры, передающие значительную часть информации посредством естественного языка, не могут обходиться без топосов, которые соотносятся с более широким явлением – прецедентными феноменами – и составляют часть **когнитивной базы** древнерусского человека. С одной стороны, топосы экономят рече-

вые усилия говорящих (они не производят, а воспроизводят речение), с другой – легко распознаются собеседниками: и те и другие обладают общей когнитивной базой. Таким образом, топос – это такое речение, содержание которого известно коммуникантам еще до начала собственно общения, причем специфика его состоит в том, что помимо прямого значения топос обязательно выражает ряд дополнительных смыслов, имеющих отношение к когнитивной базе коммуникантов. Именно поэтому современные исследователи, пытающиеся истолковать древние топосы, сталкиваются со значительными трудностями: можно выявить повторяющиеся речения, создать их список, но установить, какая именно пресуппозиция скрывается за конкретным топосом, бывает сложно.

Как уже было отмечено, топос известен и может употребляться в определенной ситуации любым коммуникантом, входящим в данный лингвокультурный социум. Именно поэтому в летописи обращение к топосам характеризует речь не только персонажей ПВЛ, но и самого летописца. Так, оценка какого-либо события как экстраординарного связана с употреблением высказывания, в котором подчеркивается «небывалость» происшедшего. Подобные формулы встречаются как в прямой речи: *Володимеръ же слышавъ, яко ять есть Василко и ослѣпленъ, ужасеся, и въсплакася вельми і рече: «**Сего не было есть у Русьской земли ни. при дѣдехъ нашихъ, ни при отціхъ нашихъ, сякого зла**»* (6605); *Се слышавъ, Давыдъ и Олегъ, печална быста вельми и начаста плакатися, рекуща яко: «**Сего не было в родъ нашемъ**». И ту абье собравъша воя, и придоста к Володимеру* (6605); *Послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвять братья: не хощемъ ти вдати стола Володимерьскаго, зане **увергъ еси ножь в ны, егоже не было в Русьской земли**»* (6608), – так и в нарративе: *Бѣ же пятокъ тогда; всходящю солнцю, и совокупишася обои, и бысть сѣча зла, **аки же не была в Руси**, и за рукы емлюще сѣчахуся* (6527); *Бысть же Іоанъ, си мужь хитръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласкавъ же всякому, к богиту и къ убогу, смиренъ же умомъ и кротокъ, и молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя, и **сяковаго не бысть така преже в Руси**, ни по нѣмь не будеть такий* (6597); *Сий бо Ефрѣмъ в си лѣта много зданье въздвиже въ церкви святаго Михаила, заложи же церковь на воротехъ святаго Федора и святаго Андрѣя, у церкве у воротъ, и городъ каменъ и строенна баня камяна, **сего же не бысть в Руси*** (6598).

Избираемая в подобных случаях оценочная система координат (повторяемость – беспрецедентность) в точности отражает устремления древнерусского летописца – поиск начал исторического пути Руси (*Повѣсть временныхъ ... откуду есть пошла Руская земля...*), и, шире, отношение средневекового человека к прошлому / настоящему вообще: с одной стороны, он видит причины последовавших событий в том, что им предшествовало, выстраивает некую линейную структуру (причина) следствие), с другой – идет от настоящего к прошлому, выискивая в нем некие первоначала, некие «протособытия», которые повторяются в будущем, т. е. осознает время и наполняющие его события как структуру циклическую. Первый тип восприятия времени является историческим, второй – мифологическим (космологическим) (см. об этом в [Успенский 2002]). И тот и другой представлены в летописи, в частности, в топосе «*такого еще не бывало*».

Таким образом, выявление топосов оказывается крайне важным для установления и описания древнерусской когнитивной базы: в них реали-

зуются устойчивые представления о мире, свойственные носителю древнерусской культуры.

[9] Пресуппозиция содержит «знания, представления и установки на определенный тип коммуникативного поведения, являющиеся результатом отражения в сознании коммуниканта релевантных для данного акта коммуникации компонентов и параметров текущего (или предстоящего) коммуникативного события» [Борисова 2005: 82, 83].

[10] «Т. М. Николаева выделяет три компонента в понятии нормы: 1) отношение к заведенному порядку вещей (алетические факты); 2) отношение к понятию должного (социально и ситуативно обусловленные нормы); 3) отношение к системе ценностей (Николаева 1985: 90–91). …Если коммуникативную норму поведения в межличностном общении поместить в систему координат алетической (необходимо – возможно – невозможно), деонтической (должное – разрешенное – запрещенное) и аксиологической (ценное – безразличное – неценное) модальностей, то алетической и деонтической ее доминантой будет средний член триады (*социально* возможное, разрешенное), а аксиологической доминантой – левый член (ценное), причем интерпретированный как *(меж)личностно* ценное» [Борисова 2005: 89].

[11] Именно высказывание – «речевое произведение, созданное в ходе речевого акта и рассматриваемое в контексте этого речевого акта» [Падучева 2001: 29] – является объектом изучения теории речевых актов.

[12] Вообще, объем высказывания может колебаться «от короткой (однословной) реплики бытового диалога до большого романа или научного трактата»: «границы каждого конкретного высказывания, как единицы речевого общения, определяются сменой речевых субъектов. …Высказывание… кончается передачей слова другому, как бы молчаливым "dixi", ощущаемым слушателями как знак, что говорящий кончил» [Бахтин 1997: 172, 173].

[13] *Ркоша же Древляне: «Что хощеши у насъ? Ради даемъ и медомъ и скорою». (Ольга) же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣту меду, ни скоры, но мала у васъ прошю: дайте ми отъ двора по три голуби и по три воробьи. Азъ бо не хощю тяжьки дани възложити на васъ, якоже мужь мой, но сего у васъ прошю мала, изнемогли бо ся есте въ осадѣ. Да вдайте ми се малое»* (6454) – этому фрагменту можно дать следующее толкование: коварная княгиня Ольга, в качестве речевой стратегии избравшая введение собеседника в заблуждение, и на этот раз, якобы смилостившись, настойчиво, три раза, просит у древлян мала, то есть употребляет слово, омофоничное имени князя древлян – Мала. Подобная интерпретация эпизода встречается, в частности, у А. С. Демина [Демин 2005: 562].

[14] «Очень существенно различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами. Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего образования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [Бахтин 1997: 161].

[15] Заметим, что вопрос об авторстве (и редакторстве) ПВЛ не является релевантным для данного исследования, и потому, используя термин *автор*, мы будем подразумевать некий *образ автора*, возникающий у читателя ПВЛ безотносительно к персоналиям.

[16] Причем отголосками и в прямом смысле слова: многие высказывания, включенные в ПВЛ, отражают конструктивные особенности **звучащей** речи; достаточно вспомнить случаи **языковой игры**, основой которой служит звуковой состав слова: *Побѣди Волчий Хвостъ Радимичи; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: «Пѣщаньци Волъчья Хвоста бѣгають»* (6492) – основой шутки служит омонимия одинаково звучащих имени собственного и нарицательного, *Володимиръ же… о питьи отинюдь рекъ: «Руси веселье питье, не можемъ без того быти»* (6492) – ритмизованная стихотворная строфа с неточной рифмой.

[17] Отвлечение от иллокутивных функций в КРА позволяет исследователям выделить функции, являющиеся базовыми для русской речи: «…Пять основных типов речевых актов, имеющих в русском языке регулярные средства выражения, – это сообщение, вопрос, императив, восклицание и обращение. Одно из этих пяти иллокутивных значений обязательно должно быть выражено в русских предложениях, т. е. оно не может быть не выражено» [Янко 2001: 22, 23].

[18] Выбор одной из возможных коммуникативных структур обусловлен «коммуникативными пресуппозициями (установками) говорящего в данном коммуникативном событии, возникающими в результате учета статусно-ролевых характеристик адресата, степени близости отношений, симметричности / ассиметричности коммуникативного модуса, необходимости/желательности перлокутивного эффекта и др.» [Борисова 2005: 164, 165].

[19] «Нейтральные повествовательные предложения по преимуществу отражают мир, восклицания выражают состояние говорящего, обращения апеллируют к слушающему, а вопросы и императивы выражают говорящего и апеллируют к слушающему» [Янко 2003: 578].